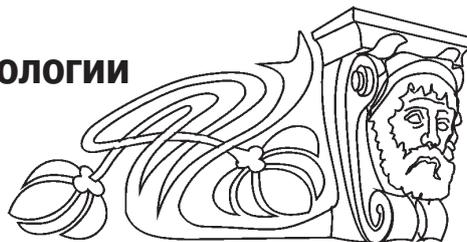

УДК 327.8

Современные информационные технологии как инструмент продвижения национальных интересов России в сфере международных отношений

М. М. Васильева

Васильева Мария Михайловна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры коммуникационных технологий, Московский государственный лингвистический университет, catmar@yandex.ru

В статье анализируются информационные технологии как инструмент продвижения национальных интересов России. Автор приходит к выводу, что информационное общество демонстрирует свою обратную сторону и речь уже идет не просто о конвергенции и поисках компромиссов и точек совпадения интересов во имя общемирового развития, а о перестройке и изменении формата международных отношений на базе современных информационных технологий. В то же время от возможностей государства в информационной сфере зависит его способность отстаивать национальные интересы, сохранять суверенитет и территориальную целостность страны – добиться стратегического превосходства в сфере международных отношений.

Ключевые слова: информационные технологии, информационное общество, международные отношения, национальные интересы.

Modern Information Technologies Boosting National Interests of Russia in the Sphere of International Relations

М. М. Vasilyeva

Maria M. Vassiljeva, <https://orcid.org/0000-0001-5337-8275>, Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia, catmar@yandex.ru

The main problem tackled in this research deals with information technologies as the instrument of boosting national interests of Russia. The author comes to the conclusion that the information society shows the other side and the subject deals with not only mutual interests in the name of world development, but modification of the international relations on the base of the modern information technologies. At the same time, opportunities of the state in the information sphere define the possibility to defend national interests and reach strategic goals in the sphere of international relations.

Keywords: information technologies, information society, international relations, national interests.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-85-90>

В настоящее время актуализировался вопрос о перестройке и изменении формата международных отношений на базе современных информационных технологий, формировании контуров мироустройства XXI в. Одна из значимых тем в международных делах сегодня заключается в том, какую форму принимает конкуренция между ведущими

мировыми державами. США и западные страны нацелены на то, чтобы сохранить доминирующие позиции любыми средствами (информационные войны, неконституционная смена правящих режимов, методы экономического давления, санкции). Вследствие информационной революции и глобализации всего информационного пространства появилась непосредственная возможность доступа как к географической, так и к социокультурной сфере государства из единого пространства информационных коммуникаций. В данном контексте информационное общество демонстрирует свою обратную сторону. Речь уже идет не просто о конвергенции и поисках компромиссов и точек совпадения интересов во имя общемирового развития, а о возможностях государства в реализации своих стратегических национальных приоритетов во внешнеполитической деятельности сквозь призму современных информационных технологий.

Информационные технологии как средство управления международными процессами

Сегодня можно говорить о том, что от возможностей государства в информационной сфере зависит его способность отстаивать национальные интересы, сохранять суверенитет и территориальную целостность страны – добиться стратегического превосходства в сфере международных отношений.

Под информационными технологиями в политике понимают технологии создания, сбора, хранения, обработки, передачи и распространения информации для реализации функций политической системы, направленных на повышение эффективности политического процесса и достижение желаемых результатов в сфере политики¹.

При этом в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» (Ч. II, п. 21)².

Информационные технологии, основанные на их применении новые приемы являются эффективными средствами борьбы государств за национальные интересы на международной арене.

При условии низкой политической культуры населения, монополии на СМИ и доступ к информации можно сравнительно просто манипулировать общественным мнением, подавляя голоса тех, кто пытается объективно освещать события в мире. Примером этого является одностороннее освещение событий в Южной Осетии (2008 г.), Сирии (с 2012 г.), Украине (2014 г.).

Делаются попытки разрушения или подмены привычных ценностей, в том числе фундаментальных, ослабление национального духа, педализация «правами человека» и проч. Отсюда же соответствующий инструментарий – научно разработанные и обоснованные концепции, доктрины и методики такого феномена, как «управляемый хаос», «управляемый конфликт», «наращивание хаоса как наращивание демократии», «детерминируемый хаос» и т. п. Существуют целые институты, специализирующиеся на проблемах «управляемого хаоса» (например Santa Fe Institute в США). Вместе с тем «управляемый хаос неправомерно рассматривать как цель современного геополитического противоборства. Конечной целью субъектов... было и остается мировое господство, посредством которого обеспечивается беспрепятственный доступ к ресурсам... управляемый хаос следует расценивать не как стратегию, а как технологию»³.

Современная информационная, цифровая революция размывает государственный суверенитет, «стирает» государственные границы и распространяется по всему миру. Значимость Интернета как источника информации быстро возрастает и для граждан России. Интернет-СМИ из элитарных быстро превращаются в массовые. Аудитория Интернета в нашей стране уже превышает 80 млн человек.

В Концепции внешней политики Российской Федерации констатируется, что в мире «обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, ...усилением борьбы за ресурсы... Стремление западных государств удержать свои позиции, в том числе посредством навязывания своей точки зрения на общемировые процессы и проведения политики сдерживания альтернативных центров силы, приводит к нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях» (Ч. II, п. 5)⁴.

В России потенциальные опасности, исходящие от Интернета, гораздо выше, чем в США, поскольку основная масса сетевого программного обеспечения в Российской Федерации либо прямо заимствована, либо построена с включением заимствованных модулей, которые часто содержат специальные компоненты съема или уничтожения информации и т. п.

Вместе с тем Интернет все шире используется и как средство политической борьбы. В условиях возрастающей информатизации и политической открытости государства становятся все

более уязвимыми перед теми, кто доминирует в сетевых информационных технологиях.

Во многих странах ведутся интенсивные целенаправленные исследования в этой области.

До настоящего времени страны третьего мира, неспособные в силу экономических, культурных, политических и иных причин самостоятельно защищать свои позиции в мировой политике, были защищены авторитетом и конкретными шагами международных организаций, могли рассчитывать на их поддержку. Плюс ко всему на стороне этих стран было международное право, положения которого признавались всеми акторами мировой политики.

Развитие «сетевых союзов» в новой глобальной ситуации способно подорвать основы международного права. Так, по отношению к Интернету до сих пор не отработан четкий свод правил и положений, регулирующих деятельность его индивидуальных пользователей и сетей.

Не менее важной задачей (и проблемой) является разработка общепризнанных норм международного права, позволяющих обеспечить международную информационную безопасность на принципах справедливости и равенства.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации обоснованно отмечается, что «отсутствие международно-правовых норм, регулирующих межгосударственные отношения в информационном пространстве, а также механизмов и процедур их применения, учитывающих специфику информационных технологий, затрудняет формирование системы международной информационной безопасности, направленной на достижение стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства»⁵.

При этом Россия более десяти лет назад предложила для обсуждения в ООН концепцию «Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности»⁶, однако эта инициатива пока не нашла должного отклика. Так, на встречах представителей России и США до сих пор обсуждается трактовка понятийного аппарата, который будет применяться на переговорах по этой проблематике.

До настоящего времени дело ограничивается принятием многочисленных деклараций, хартий, обращений, резолюций, рекомендаций и т. п., невыполнение которых не предусматривает никаких международных санкций. Это, например: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/65/41 «Достижения в сфере информатизации и коммуникаций в контексте международной безопасности» (8 декабря 2010 г.) и A/RES/64/211 «Создание глобальной культуры кибербезопасности и оценка национальных усилий по защите важнейших информационных инфраструктур» (21 декабря 2009 г.); Окинавская хартия глобального информационного общества (22 июля 2000 г.); соглашение между правительствами государств – членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения

международной информационной безопасности (16 июня 2009 г.) и др.⁷

«В целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации внешнеполитическая деятельность государства направлена на ... дальнейшее продвижение курса на укрепление международного мира, обеспечение всеобщей безопасности и стабильности в целях утверждения справедливой демократической международной системы, основанной на коллективных началах в решении международных проблем, на верховенстве международного права, прежде всего на положениях Устава Организации Объединенных Наций (Устав ООН), а также на равноправных и партнерских отношениях между государствами при центральной координирующей роли Организации Объединенных Наций (ООН) как основной организации, регулирующей международные отношения» (Ч. I, п. 3д)⁸.

Информационные технологии открывают новые возможности для воздействия на общественное мнение внутри страны и за ее пределами. К новым способам и методам информационного противоборства некоторые исследователи относят так называемые «гибридные войны», по своей сути носящие тотальный характер и являющиеся более эффективными, чем просто информационные и информационно-психологические войны. Это противоборство в форме «гибридных войн» все чаще используется как эффективный способ достижения политических, экономических, военных и других целей государств еще до этапа применения традиционной военной силы. Здесь вполне применим недавно появившийся термин «гибридная война».

Цели информационно-психологического противоборства в политической борьбе на международной арене состоят в следующем:

- выявить и оценить состояние коллективного и общественного (массового) сознания;
- сформировать нужные политические идеи, установки, позиции, ценностные ориентации.

Сунь-цзы приписывают высказывание: «Кто владеет информацией, тот владеет всем и правит миром». Глубина смысла этого афоризма становится ясной теперь, в связи с произошедшим в последние два десятилетия радикальным ростом политической, социальной и военной значимости информационных технологий в продвижении национальных интересов государств.

Информационные технологии во внешнеполитической деятельности

Информационные технологии входят в комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей государства, который называют «мягкая сила».

Теория «мягкой силы», разработанная американским политологом, профессором Гарвардского университета Дж. Наем-мл., стала сегодня одним из главных инструментариев в системе международных отношений, нацеленным на получение и удержание ведущих позиций на международной арене.

Дж. Най определяет «мягкую силу» как «способность получать желаемый политический результат путем привлекательного побуждения другой стороны принять ваши цели»⁹. Он считает, что этого следует добиваться путем облачения своего политического товара (идей, идеологий, инициатив, повесток дня, институтов) в привлекательную для других упаковку, подкрепляя это солидными «призовыми» за сотрудничество, например, расширяя рыночные возможности партнера.

При этом у России есть своя парадигма использования «мягкой силы», которая основывается на нравственно-этических принципах. Министр иностранных дел С. В. Лавров выдвинул такое определение «мягкой силы»: это – способность воздействовать на поведение других государств с помощью культурно-цивилизационной, гуманитарно-научной, внешнеполитической и иной привлекательности своей страны, готовность и умение продвигать позитивную, объединительную повестку дня в международных отношениях¹⁰.

В последние годы в Российской Федерации принято значительное количество официальных документов по проблемам информационной безопасности, информационной политики, информационного противоборства и т. п. Официально приняты Доктрина информационной безопасности Российской Федерации¹¹ и Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности¹² на период до 2020 года.

Кроме того, Россия и страны Шанхайской организации сотрудничества, в развитие распространенного в 2011 г. в ходе 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН проекта соответствующего документа, в начале 2015 г. внесли в качестве официального документа ООН «Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности». Как отметили в МИД России: «В отличие от концепций, предполагающих регулирование кибервойн, документ ШОС нацелен на предотвращение конфликтов в информационном пространстве. В нем закреплено обязательство государств не применять информационно-коммуникационные технологии в целях нарушения международного мира и безопасности, а также для вмешательства во внутренние дела других государств и подрыва их политической, экономической и социальной стабильности»¹³.

Концепция внешней политики РФ отражает исторический опыт и уточненное видение прио-

ритетов Российского государства в стремительно меняющемся современном мире. Она подтверждает «развитие двусторонних и многосторонних отношений взаимовыгодного и равноправного партнерства с иностранными государствами, межгосударственными объединениями, международными организациями и в рамках форумов на основе уважения принципов независимости и суверенитета, прагматизма, транспарентности, многовекторности, предсказуемости, неконфронтационного отстаивания национальных приоритетов; расширение международного сотрудничества на недискриминационной основе, содействие становлению сетевых альянсов, активное участие в них России»¹⁴.

С опорой на положения этого документа Россия предпринимает целенаправленные усилия в интересах:

- обеспечения международной безопасности;
- утверждения верховенства международного права;
- укрепления центральной координирующей роли ООН в международных отношениях.

В этой связи в Доктрине информационной безопасности среди основных направлений обеспечения информационной безопасности в области стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства выделяются:

- защита суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве посредством осуществления самостоятельной и независимой политики, направленной на реализацию национальных интересов в информационной сфере;

– участие в формировании системы международной информационной безопасности, обеспечивающей эффективное противодействие использованию информационных технологий в военно-политических целях, противоречащих международному праву;

- продвижение в рамках деятельности международных организаций позиции Российской Федерации, предусматривающей обеспечение равноправного и взаимовыгодного сотрудничества всех заинтересованных сторон в информационной сфере (Ч. IV)¹⁵.

Сегодня перед Российской Федерацией стоят задачи продвижения и отстаивания своих национальных интересов на международной арене. Они вытекают из потребностей внутреннего развития страны, модернизации самой России – создание модернизационных альянсов, усиление евразийской интеграции.

При этом отмечается, что «изменения в отношениях России с развитыми западными странами сопровождаются изменением в восприятии обществом основных угроз безопасности страны и их проявлений»¹⁶.

В целях реализации стратегических национальных приоритетов России внешнеполитическая деятельность государства, как отмечается в Концепции внешней политики, направлена на:

– упрочение позиций России как одного из влиятельных центров современного мира;

- развитие двусторонних и многосторонних отношений взаимовыгодного и равноправного партнерства с иностранными государствами на основе уважения принципов независимости и суверенитета, неконфронтационного отстаивания национальных приоритетов¹⁷.

Вместе с тем события на Украине, происходившие в период 2014–2015 гг., являлись одним из основных информационных поводов новостных сообщений мировых средств массовой информации. При этом наблюдалась поляризация точек зрения западных и российских СМИ, которые в борьбе за международное общественное мнение использовали самые различные приемы и методы информационных технологий. Одни и те же события (акции протеста, противостояние митингующих с силами правопорядка, смена власти, кровопролитное вооруженное противостояние на юга-востоке и др.) находили диаметрально противоположные освещение, оценки, аргументацию и выводы – наблюдались все черты информационно-психологического противоборства. Одним из ключевых событий украинской драмы стала катастрофа малайзийского пассажирского авиалайнера Боинг-777 (унесшая жизни 283 пассажиров и 15 членов экипажа), произошедшая на территории Донецкой области 17 июля 2014 г. Не дожидаясь результатов расследования, некоторые лидеры западных государств и поддержавшие их СМИ обвинили в произошедшем российскую сторону.

Жесткая позиция России относительно урегулирования внутриукраинского конфликта вызвала конфронтацию с США и странами Евросоюза.

К реализации стратегических национальных приоритетов России во внешнеполитической деятельности государства отношение вхождение в ее состав в марте 2014 г. территории полуострова Крым с образованием двух новых субъектов Федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополя, поддержка действий и оказание гуманитарной помощи самопровозглашенным на юго-востоке Украины Донецкой и Луганской Республик (ДНР и ЛНР), что только усилило конфронтацию с Западом.

Следствием этого явились *санкции* – ограничительные политические и экономические меры, введенные в 2014 г. в отношении России и ряда российских лиц и организаций, которые, по мнению международных организаций и отдельных государств, были причастны к дестабилизации ситуации на Украине; а также ответные действия России – эмбарго на поставку продовольственных и промышленных товаров из стран-участниц санкционных действий.

В последнее время резко возросла активность держав, имеющих отношение к Арктическому региону. Сегодня Северный полюс вновь

стал предметом международной конкуренции и отстаивания национальных интересов в сфере внешней политики. В перспективе серьезной угрозой для России может стать выдвижение претензий на право свободного пользования природными ресурсами, которыми она владеет¹⁸. По данным ООН, запасы нефти в Арктике превышают все ресурсы России в 2,4 раза. По прогнозам специалистов, к 2040 г. из-за глобального потепления значительная часть Северного Ледовитого океана окажется свободной ото льда, что существенно облегчит добычу природных богатств с его дна, удешевит перевозки, но одновременно может создать и новое направление геостратегического соперничества.

Принимая во внимание возросший интерес к региону со стороны стран-участниц НАТО, на защиту российских интересов в Арктике Правительство РФ ориентировало целый комплекс мероприятий, в том числе военного типа. На совещании Совета безопасности РФ был выработан комплекс мероприятий по повышению эффективности проведения ранее утвержденных Президентом РФ документов, в частности, Основ государственной политики России в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу и Стратегии развития Арктической зоны страны и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Но при этом сегодня не учитывается тот факт, что человечество может перейти на альтернативное топливо.

Никакая другая страна не имеет такого большого по протяженности своих северных границ выхода к Арктике, как Россия. Арктика стала территорией хозяйственного освоения, военным полигоном, регионом стратегических интересов, ресурсной базой страны. Недаром именно у России появился Северный морской путь – самый короткий маршрут из Европы в Америку и Азию, – который обслуживает регион, обеспечивающий сегодня стране 80% нефти, 90% никеля, почти весь газ, золото, серебро, олово, апатиты, молибден, алмазы, половину деловой древесины. Северный морской путь в состоянии дублировать и дополнять сухопутные коридоры, обеспечивая жизнедеятельность всего Русского Севера.

Система международной торговли давно предусматривает его использование всеми крупнейшими мировыми перевозчиками. В ближайшие годы, учитывая то, что достигнут предел пропускной способности Суэцкого и Панамского каналов и нарастает нестабильность в регионах Малой Азии и Ближнего Востока, стратегическая роль этого коридора и торговли между Юго-Восточной Азией, Японией, Северной Америкой, Евросоюзом и Россией будет только возрастать. С учетом потепления Северный морской путь становится самым удобным для перевозки углеводородов с арктических месторождений.

Все это становится тем более актуальным сейчас, когда Арктика в силу ее географического

положения, огромных запасов природных ресурсов, экологической, научной и оборонной значимости привлекает все больший интерес многих, в том числе и неприполярных, стран мира, становится ареной борьбы за право обладания ее богатствами и узлом противоречий глобального значения, где фокусируются интересы различных геополитических субъектов.

Таким образом, мы видим, что новые информационные технологии все шире применяются в международных отношениях, политико-дипломатической борьбе, при реализации национальных интересов, в борьбе за невозобновляемые природные ресурсы, а также в вооруженных конфликтах и войнах. В целях реализации стратегических национальных приоритетов России во внешнеполитической деятельности возрастает необходимость уделять особое внимание информационным технологиям как неотъемлемой части новой парадигмы международных отношений.

Примечания

- 1 См.: *Балашов А. Н.* Информационные технологии в политике : сущность, содержание и классификация // *Среднерусский вестник общественных наук.* 2014. Вып. 2 (32). С. 87.
- 2 Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683). URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/docs/document133/> (дата обращения: 07.09.2019).
- 3 *Белозёров В. К.* Управляемый хаос и глобальные политические стратегии // *Геополитика и безопасность.* 2014. № 4 (28). С. 9.
- 4 Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 07.11.2019).
- 5 Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) // Совет Безопасности Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/> (дата обращения: 10.09.2019).
- 6 См.: Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) // Совет Безопасности Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/112.html> (дата обращения: 10.09.2019).
- 7 См.: *Федоров А. В., Зиновьева Е. С.* Информационная безопасность. Политическая теория и дипломатическая практика. М. : МГИМО-Университет, 2017.
- 8 Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640).
- 9 *Nye S. J., Jr.* Bound to Lead : The Changing Nature of American Power. N. Y. : Basic Books, 1991. P. 221.
- 10 См.: *Лавров С. В.* Глобальной политике нужны открытость и демократия // *Известия.* 2007. 24 апр.
- 11 См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646).

- ¹² См.: Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Указом Президента РФ от 24 июля 2013 г. № Пр-1753) // Совет Безопасности Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document114/> (дата обращения: 10.09.2019).
- ¹³ Члены ШОС внесли в ООН правила обеспечения международной информационной безопасности // Аргументы.ру. 2015. 29 января. URL: <http://argumenti.ru.com/politics/2015/01/387695> (дата обращения: 19.09.2019).
- ¹⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640).
- ¹⁵ См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646).
- ¹⁶ Федоров А. В., Зиновьева Е. С. Указ. соч. С. 25.
- ¹⁷ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640).
- ¹⁸ См.: Современные международные отношения : учебник и практикум для академ. бакалавриата / под ред. В. К. Белозёрова, М. М. Васильевой, А. И. Позднякова, 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. С. 312.

Образец для цитирования:

Васильева М. М. Современные информационные технологии как инструмент продвижения национальных интересов России в сфере международных отношений // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 85–90. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-85-90>

Cite this article as:

Vasilyeva M. M. Modern Information Technologies Boosting National Interests of Russia in the Sphere of International Relations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 85–90 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-85-90>
